

М. М. ХЯМЯЛÄЙНЕН

**О РАЗВИТИИ ВНУТРЕННЕ-МЕСТНЫХ ПАДЕЖЕЙ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ГРУППЕ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ****ВВЕДЕНИЕ**

К северо-восточной группе прибалтийско-финских языков мы относим финский, карельский, ижорский и вепсский языки. Эти близкие между собой языки, кроме общности, полученной из праприбалтийско-финского языка, имеют много общего, возникшего в более поздние периоды в результате прямых или косвенных связей и соприкосновений. Известно, например, что в состав финской национальности вошли две группы исторической карелы: привыборгская и присайминская. Участие карел в образовании финской национальности сильно сказалось и на развитии финского языка. С карелами связано и происхождение ижоры и ижорского языка. Вместе с тем влияние финского языка на ижорский на протяжении истории было настолько велико, что ряд языковедов относит ижорский язык к диалектам финского языка. На развитие карельского языка большое влияние оказал вепсский язык. По мнению Д. В. Бубриха, южные карелы Карельской АССР по своему происхождению являются вепсами, и даже „современная речь олонецкого перешейка по множеству признаков близка к вепсской речи, а Прионежье отличается от вепсской речи совсем мало“.¹

Несмотря на общность происхождения и более поздние прямые соприкосновения, косвенные связи и влияние друг на друга, в этих языках исключительно велики различия в употреблении внутренне-местных и внешне-местных падежей (вторичных по своему происхождению). Особенно это касается наречий карельского языка. Различия в употреблении этих падежей в отдельных наречиях карельского языка значительно больше, чем различия в употреблении этих же падежей, например, в собственно карельском наречии и самом далеком от него (по сходству и территориально) ливском языке.

В финском языке употребляется три внутренне-местных падежа (инессив, элатив и иллатив) и три внешне-местных (адессив, аблатив и аллатив). В собственно карельском наречии внутренне-местные падежи представлены как и в финском, но в употреблении внешне-местных падежей имеются различия: как в собственно карельском, так и в финском языке имеет место аблатив, но финским адессиву и аллативу в собственно карельском наречии соответствует один падеж — адессив-

¹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Гос. изд. Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1947, стр. 44.

аллатив, по форме совпадающий с адессивом финского языка. В южно-карельских наречиях — ливвиковском и людиковском, а также в вепском языке отсутствуют исходные падежи — элатив и аблатив. Финским и собственно карельским инессиву и элативу в южнокарельских наречиях и вепском языке соответствует только один падеж — инессив-элатив, по форме совпадающий с инессивом. Финским адессиву, аблативу и аллативу и собственно карельским адессиву-аллативу и аблативу в людиковском наречии карельского языка и вепском языке соответствуют два падежа — адессив-аблатив (по своей форме совпадающий с адессивом) и аллатив. В ливвиковском же наречии карельского языка, за исключением некоторых говоров, трем финским и двум собственно карельским внешне-местным падежам соответствует только один падеж — адессив-аллатив-аблатив. Имеются и еще некоторые различия в употреблении внешне-местных падежей в ливвиковских говорах карельского языка.

В нашей статье мы будем рассматривать, в первую очередь, вопросы развития внутренне-местных падежей в отдельных наречиях карельского языка, в вепском, ижорском и финском (литературном) языках. Особенно нас интересует вопрос об отсутствии внутренне-исходного падежа — элатива в вепском языке и южнокарельских наречиях — ливвиковском и людиковском. В данной статье мы не будем специально касаться истории развития внешне-местных падежей в упомянутых языках, — это особая тема исследования. Но на одном из вопросов о внешне-местных падежах мы остановимся. Нельзя объяснить отсутствие внутренне-исходного падежа — элатива без учета отсутствия внешне-местного падежа — аблатива в одних и тех же языках и наречиях. Отсутствие двух исходных падежей — явление одного и того же порядка, и навряд ли возможны различные объяснения отсутствия этих падежей в упомянутых наречиях и языках.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВНУТРЕННЕ-МЕСТНЫХ ПАДЕЖЕЙ

Прежде чем приступить к рассмотрению исторического развития внутренне-местных падежей в карельском, вепском, финском и ижорском языках и объяснению исключительно больших различий в употреблении этих падежей в рассматриваемых языках (это особенно касается различных наречий карельского языка), напомним вкратце общепринятые положения о происхождении этих падежей в прибалтийско-финских языках, или точнее — в праприбалтийско-финском языке.

По своему происхождению внутренне-местные падежи в прибалтийско-финских языках являются вторичными падежами. Они возникли, по общему признанию, еще в волжско-прибалтийско-финское время. Во всех внутренне-местных падежах имеет место *s*-овый элемент, например в финском языке окончанием инессива является *-ssa (-ssä) < *sna (*-snä)*, элатива — *-sta (-stä)* и иллатива — *-seen < -sen, -hen (-han, -hon* и т. д.), *-een (-aan, -oon* и т. д.) *< *-hen < *-zen*.

Некоторые исследователи полагают, что „иллатив является самым молодым из внутренне-местных падежей, образовавшимся, возможно, лишь в ранний период финского языка-основы“.¹ Другие считают, что и иллатив возник в волжско-прибалтийско-финское время. Д. В. Бубрих отмечает, что „в прибалтийско-финском материале объяснение внутренне-

¹ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. 1. М., 1953, стр. 87.

местных падежей не находится, но оно имеется в мордовском материале".¹

В отношении происхождения в составе внутренне-местных падежей общего *s*-ового элемента, с которым связана идея места внутри чего-либо, не существует единой точки зрения в науке. Так, например, Л. Хакулинен в упомянутой выше работе, ссылаясь также и на других авторов, утверждает, что это *s* первоначально являлось суффиксом латива.² Д. В. Бубрих в названной нами и других работах приходит к выводу, что *s*-овый элемент восходит к послелогу, выступающему в указательном склонении мордовского языка, а послелог, в свою очередь, восходит к местоимению.³ П. Аристе считает, что „имелся специальный суффикс *-s*, посредством которого образовались разные местные падежи.“⁴

Нет необходимости подробно рассматривать, какого происхождения *s*-овый элемент в составе внутренне-местных падежей. Важно другое: к какому периоду развития финно-угорских языков относится *s*-овый элемент. Общепринято, что этот элемент восходит по крайней мере к эпохе волжско-прибалтийско-финской языковой общности, а возможно, является и еще более древним.

На вопрос о происхождении суффиксов локатива на *-la* (продолжателем которого является эссив), делатива на *-ta* (предшественника партитива) и латива на *-l'* в составе внутренне-местных падежей существует одна точка зрения. Все авторы сходятся на том, что к *s*-овому элементу присоединились суффиксы первичных падежей локатива, делатива и латива.

Что касается происхождения внешне-местных падежей в общеприбалтийско-финском плане, то в науке также существует общепринятое мнение, что они возникли только в период существования праприбалтийско-финского языка.

Состав компонентов внешне-местных падежей ясен. Общий *l*-овый элемент во всех рассматриваемых падежах восходит к общему прибалтийско-финскому суффиксу *-la (-lā)* (со значением коллектива и места), к которому присоединяются те же первичные падежные окончания, что и во внутренне-местных падежах.

О РАЗВИТИИ ВНУТРЕННЕ-МЕСТНЫХ ПАДЕЖЕЙ В ЮЖНОКАРЕЛЬСКИХ НАРЕЧИЯХ И ВЕПСКОМ ЯЗЫКЕ

Прежде всего нас интересует отсутствие исходных падежей в южнокарельских наречиях. Этот вопрос приобретает большой интерес в связи с тем, что в наречиях одного и того же языка (карельского) в одних из них употребляются исходные падежи, в других они отсутствуют.

К вопросу о бытовании исходных падежей в одних языках и наречиях и об их отсутствии в других можно подойти с разных сторон.

¹ Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 26.

² Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. 1.

³ Д. В. Бубрих. 1) Историческая морфология финского языка, стр. 26; 2) происхождение *s*-овых внутренне-местных падежей в западных группировках финно-угорских языков. Уч. зап. Карело-Финск. гос. ун-в., т. 1, 1946.

⁴ P. Ariste. Sisekohakäänete kujunemisest Läänemere keeltes. (Об образовании внутренне-местных падежей в прибалтийско-финских языках). Изв. АН ЭССР, 1954, т. III, № 1, стр. 49.

Можно, например, предположить, что в тех языках и наречиях, где сейчас нет исходных падежей, их никогда и не было. Можно считать, что исходные падежи были утрачены этими языками. Но если признать последнее положение, то следует решить, в результате чего произошла эта утрата: в силу ли фонетических изменений, имевших место в языке, в результате ли морфологических сдвигов, под влиянием ли синтаксических факторов языка или под воздействием других языков, и т. д.

Следует, в первую очередь, установить, были ли в прошлом вепского языка и южнокарельских наречий исходные падежи. Непосредственных данных, которые свидетельствовали бы о существовании исходных падежей в прошлом этих языков, нет. Но косвенные данные говорят в пользу предположения о их былом существовании.

Вепский язык (вместе с южнокарельскими наречиями — ливвиковским и людиковским, которые, очевидно, восходят к вепсскому языку) берет свое начало из праприбалтийско-финского языка. Все внутренне-местные падежи, как известно, возникли еще в период волжско-финской языковой общности и до сего времени являются живыми падежами мордовского языка. Эти падежи были и в праприбалтийско-финском языке. Существуют они и в большинстве прибалтийско-финских языков. Отсюда напрашивается вывод, что исходные падежи были и в вепском языке, и в южнокарельских наречиях (или в том наречии или наречиях праприбалтийско-финского языка, продолжателем которого или которых является вепский язык). Едва ли можно предполагать, что вепский язык и отделившиеся от него наречия, продолжающиеся в южнокарельских наречиях (ливвиковский и людиковский), в отношении внутренне-местных и внешне-местных падежей стояли особняком среди остальных прибалтийско-финских языков. Да и современные формы этих падежей в вепском языке и южнокарельских наречиях показывают, что они там не представлены в их первоначальном виде и что в них произошло очень много фонетических изменений.

В пользу такого предположения говорят и основные значения внутренне-местных и внешне-местных падежей. В вепском языке и южнокарельских наречиях (ливвиковском и людиковском) в инессив-элативе полностью совпадают все основные значения инессива и элатива других прибалтийско-финских языков. Точно так же в адессиве-аблативе вепского языка и людиковского наречия полностью совпадают все основные значения адессива и аблатива других прибалтийско-финских языков. Логически и из значений рассматриваемых падежей вытекает, что либо инессив-элатив и адессив-аблатив разделились на две части и дали начало инессиву и элативу, адессиву и аблативу в других прибалтийско-финских языках, либо инессив и элатив, адессив и аблатив в вепском языке и южнокарельских наречиях слились в два падежа: инессив-элатив и адессив-аблатив. Нет абсолютно никаких оснований отрицать существование исходных падежей в праприбалтийско-финском языке. Еще меньше оснований к предположению, что в праприбалтийско-финский или в более древний период были какие-то вторичные пребывательно-исходные падежи, которые затем разделились на две части и дали начало вторичным пребывательным и исходным падежам.

Фонетические данные вепского языка и южнокарельских наречий наглядно показывают, что в окончаниях местных падежей этих языков произошли серьезные фонетические сдвиги и рассматриваемые падежные окончания отнюдь не представлены в первоначальном виде. Попы-

таемся ответить на вопрос, когда же произошли эти изменения: в период самостоятельного существования вепсского языка или в более ранний период. В этой связи попытаемся также выяснить, имеются ли в самом вепсском языке и южнокарельских наречиях что-либо (фонетического и иного порядка), что могло бы говорить о возможности или невозможности существования исходных падежей в прошлом этих языков.

Начнем с фактов, которые не имеют непосредственного отношения к падежным окончаниям. В вепсском языке, например, совершенно различно ведут себя *s*, *z* или *š*, *ž* в середине или конце слова в отношении перехода или неперехода их в другие звуки или озвончения в разных типах слов. Приведем примеры:

1. В словах типа *jäniš*(~*ž*): *jäniš|en* ~ *an* 'заяц, зайца'; *variš*(~*ž*): *variš|en* ~ *an* 'ворона, вороны'; *il'beš*(~*z*): *il'besen* 'рысь, рыси' и т. д. свистящие и шипящие не изменяются, не чередуются ни в каком положении. В словах этого типа *s*, *z*, *š*, *ž* восходят к *ks*, *kš* (ср. карельское и финское *jänikse-*, *varis: varikse-*, *ilves: ilvekse-*).

2. В словах типа — *kirveš*(~*z*): *kirven*(< *kirvehen*) 'топор, топора'; *taivaš*(~*z*): *taivhan* (< *taivahan*) 'небо, неба'; *armaš*(~*ž*): *armhan* (< *armahan*) 'милый, милого'; *nagr'iš*(~*z*): *nagrhen* (< *nagrihen*) 'репа, репы' — *s*, *z*, *š*, *ž* чередуются с *h* (такое чередование имеет место в карельском и, с некоторыми видоизменениями, в других прибалтийско-финских языках). В этом типе слов вепсские *s*, *z*, *š*, *ž* восходят к *s*.

3. В вепсском языке в одинаковых фонетических позициях (между гласными или звонкими согласными и гласными) в одних случаях имеет место звонкое *z*, например *peza* 'гнездо', *vez'i* 'вода', *küz'i* 'рука', в других же — глухое *s*, например *tatasaiž* 'в твоём или при твоём отце', 'из или от твоего отца'. В этих примерах звонкие *z*, *ž* соответствуют негеминированному *s* тех прибалтийско-финских языков, в которых *k*, *t*, *p*, *s* не озвончаются; например, финск. *pesä*, *käsi*, *vesi*, а вепсские глухие *s*, *š* (в составе окончания вепсского инессива-элатива) соответствуют финскому *ss* (в составе окончания инессива *-ssa*, *-ssä*) или *st* (в составе окончания элатива *-sta*, *-stä*), например, *isässäsi* 'в твоём отце', *isästäsi* 'из твоего отца, о твоём отце'.

Интересно в этой связи отметить, что в ряде говоров, например в шимозерском, в словах типа *variš*, *g'an'iš* даже в абсолютном конце слова *š* не озвончается, в то время как в словах типа *rugiž*, *nagriž*, *rugiž* в абсолютном конце слова употребляется звонкое *ž*. С точки зрения истории фонетического развития такие звукосоответствия являются весьма последовательными: не озвончаются такие *s*, *š*, которые восходят к сочетанию двух согласных, в данном случае — *ks*, и озвончаются такие *s*, *š*, которые восходят к *s*, *š*. В этом же говоре не озвончаются *s*, *š* в абсолютном конце слова и в падежном окончании инессива-элатива: *kädes*, *küz'iš* 'в руке, в руках', 'из руки, из рук', *jougas*, *jougoiš* 'в ноге, в ногах', 'из ноги, из ног'. И в этом случае соблюдается большая историческая фонетическая последовательность (если сопоставить окончание инессива-элатива вепсского языка с окончаниями инессива и элатива, например финского языка или собственно карельского наречия): глухие *s*, *š* в окончании вепсского инессива-элатива соответствуют окончаниям инессива *-ssa*(*-ssä*) или элатива *-sta*(*-stä*) в финском и карельском языках. Следовательно, и в этом случае развитие звонкости *s*, *š* в исходе слова могло задержаться сочетанием

двух глухих согласных: или *ss* в инессиве (*kädessä* > kädess* > kädes*) или *st* в элативе (*kädestä* > kädest* > kädes*). Отметим, что иногда в вепсских говорах встречается употребление двойного *s*, *ś* в инессиве-элативе в некоторых фонетических позициях, например: *puss_om reig* 'в дереве дыра'; *ni kuss_eil'e vet* 'нигде нет воды'; *koivuss_om oks* 'на березе ветка'; *papis ~ papiss_om* 'у попа есть'.¹ Э. Тункело отмечает, что „геминированное *s* в вепсском языке унаследовано, возможно, только в окончании инессива (и в эссиве *toissa*). Непосредственно перед следующим сонантом, по крайней мере в некоторых местностях, отмечены случаи употребления в инессиве геминаты *ss* с краткой первой частью“.² Следует также отметить, что и в словах типа *jänis*, *varis* иногда в некоторых фонетических положениях *ś* геминируется, например: *jäniss_om*, *variss_om*. Здесь в сочетании *ss*, очевидно, отражается бывшее сочетание *ks*. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что в вепсском инессиве-элативе двойное *s* может восходить и к элативу (к сочетанию двух различных согласных — *st*), а не только к инессиву. Приведенные факты дают возможность предполагать, что в вепсском языке в составе окончания инессива-элатива, так же как и в окончаниях других местных падежей, произошли большие изменения, и эти падежные окончания отнюдь не представлены в их первоначальном виде. Мы поэтому не можем согласиться с В. И. Лыткиным, что не исключена возможность, что в „прибалтийско-волжскую эпоху наряду со сложным (-сна) существовал простой инессив на -са, сохранившийся в мордовских языках и во многих прибалтийско-финских языках и диалектах (эстонском, ливском, вепсском, некоторых финских диалектах)“.³

По крайней мере в окончании вепсского инессива(-элатива) и в современном языке все еще настолько заметны пережитки на -*ssa*, что не может быть и речи о возводимости его к „простому“ инессиву на -*sa*.

О происхождении инессива на -*sa* в отдельных прибалтийско-финских языках имеются высказывания в ряде работ.⁴ Для таких утверждений имеются, базусловно, основания.

В водском языке действительно окончанием инессива является -*za(-zä)*, например: *jalgaza* 'в ноге', *pagoza* 'в бегах', *pokkaza* 'в клюве', *verkkoza* 'в сетях', *rinnaza* 'в груди', *mäezä* 'на горе, в горе' и т. п. Интересно отметить, что перед падежным окончанием инессива в одних случаях (перед геминированными взрывными) слово имеет сильную степень чередования согласных, и это нефонетично с точки зрения современного языка, в других (перед негеминированными взрывными) — слабую степень, и это фонетично по нормам современного языка.

¹ E. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946, § 135.

² Там же.

³ Редакторское примечание В. И. Лыткина в книге Д. В. Бубриха „Историческая морфология финского языка“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 174—175.

⁴ Lauri Kettunen. 1) Eestin kielen äännehistoria. Helsinki, 1927, стр. 94; 2) Vätjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930, стр. 76—77; 3) Suomen murteet, III, Helsinki, 1940. — E. Tunkelo. „Virittäjä“, 1930, стр. 370. — E. N. Setälä. Yhteissuomalainen äännehistoria. Helsinki, 1890—1891, стр. 227. — P. Ariste. Sisekohakäänete kujunemisest Läänemere keeltes. (Об образовании внутренне-местных падежей в прибалтийско-финских языках). Изв. АН ЭССР, 1954, т. III, № 1, стр. 194.

В среднеэстонских говорах перед падежным окончанием инессива слово имеет сильную ступень, и это нефонетично с точки зрения современного языка, например: *rindus* 'в груди', *jalgas* 'в ноге', *lauttas* 'в хлеву'. Этот факт должен был бы говорить о том, что инессив в названных эстонских говорах восходит к „простому“ инессиву на *-sa*.

В группе западнофинских говоров окончанием инессива также является *-sa(-sä)*, и перед этим падежным окончанием имеет место слабая ступень, что нефонетично с точки зрения современного языка, например: *jalasa* 'в ноге', *maasa* 'в земле, на земле', *matalasa* 'неглубоко' и т. п.

В водском языке, таким образом, встречаются такие языковые факты, которые как будто говорят о первоначальности *s*-ового инессива. Но в нем встречаются также и такие факты, которые говорят в пользу первоначальности *ss*-ового инессива. Если учесть еще обстоятельство, что в современном водском языке вообще не встречается геминированное *s*, что оно (*ss*) перешло в *z* (мы не говорим о тех случаях, когда *ss* восходит к *st*, а также о случаях, когда *ss* встречается в нескольких заимствованных словах), то в таком случае окончание инессива на *-za(-zä)* в водском языке ничего не говорит о происхождении его из „простого“ инессива на *-sa*. Наличие чередования ступеней согласных перед падежным окончанием инессива на *-sa(-sä)* или *s* (слабая ступень перед этим окончанием в юго-западных говорах финского языка и в определенных случаях в водском языке) или отсутствие этого чередования (сильная ступень чередования в среднеэстонских говорах и в определенных случаях в водском языке) не могут служить серьезным аргументом для обоснования происхождения современного инессива из „простого“ инессива на *-sa* или из сложного на *-ssa (< sna)*. Слабая или сильная ступень в рассматриваемых случаях могла установиться также в результате аналогии. Нефонетичное обобщение сильной ступени в одних говорах или наличие слабой ступени в других перед падежным окончанием инессива скорее всего говорит только об относительной давности перехода окончания инессива *-ssa(-ssä)* в *-sa(-sä)* или *-za(-zä)*. И в этой связи необходимо отметить, что в составе окончания инессива произошло много фонетических изменений. Первоначальный вид этого окончания *-*sna(-*snä)* представлен весьма различно в прибалтийско-финских языках: *-sna(-snä)*, *-hna(-hnä)*, *-ssa(-ssä)*, *-sa(-sä)*, *-za(-zä)*, *-s(-ś)*, *-z(-ž)* и в некоторых других разновидностях.

Нет больших оснований видеть в *-sa(-sä)* или *-za(zä)* „простой“ инессив на *-sa(-sä)*, если мы будем учитывать другие фонетические данные языка: ведь перешло же в водском языке *ss* в *z*, почему же в этом языке также и окончание инессива на *-ssa(-ssä)* не могло перейти в *-za(-zä)*, почему это должно было стать исключением из общей фонетической закономерности? Трудно предположить, чтобы во всех прибалтийско-финских языках одни внутренне-местные падежи (элатив и иллатив) по своему происхождению могли бы являться вторичными, а другие (инессив) — в некоторых из этих языков и говоров — первичными. Заметим здесь, что и мордовский инессив на *-so* восходит к *-sna*, т. е. это падежное окончание является вторичным и, следовательно, сложным по своему происхождению. Ни в вепском языке, ни в южнокарельском ливвиковском наречии окончание инессива-элатива также не возводимо к „простому“ инессиву на *-sa(-sä)*.

В некоторых говорах вепсского языка в определенных фонетических позициях (об этом мы говорили выше) в этом падежном окончании встречается геминированное *s*. В южнокарельских наречиях в случае употребления притяжательных суффиксов окончанием инессива (-элатива) является *-ssa(-ssä)*, например, *tuata|ssa|h*. В этом вопросе мы согласны с утверждением Л. Кеттунена, что „*ss* инессива тавастских и более восточных финских говоров восходит также к праприбалтийско-финскому языку. Эту линию развития представляют вепсский и карельский языки“.¹

Что же касается сокращения *ss(ss > s)* в окончании инессива, то следует считать вполне удовлетворительным объяснение Э. Н. Сетяля, указывающего, что это сокращение является, очевидно, довольно древним и первоначально встречалось только в безударном положении, откуда затем по аналогии распространилось на все случаи.²

Анализ закономерностей перехода свистящих в шипящие в ливвиковском наречии карельского языка и особенно в видлицком говоре этого наречия дает весьма интересный материал для предположения о былом существовании элатива. Д. В. Бубрих в статье о развитии перехода свистящих в шипящие в видлицком говоре пишет следующее: „Как известно, древнее прибалтийско-финское *s* или возникшее из него *z* в ливвиковском наречии карельского языка (как и в людиковском наречии, равно как в вепсском языке) в положении после *i* и *i* смягчилось, после чего мягкое *s'* или *z'* перешло в *š* или *ž*. Примеры (по видлицкому говору): *iskö* 'бьет, колет', *n'isku* 'затылок, задняя часть шеи', *viskö* 'швыряет', *kiško* 'тащит', *puol'isko* 'половина', *kiskoi* 'ерш', *izä* 'отец', *izändü* 'хозяин', *l'izä* 'добавка', *n'izu* 'пшеница', *kiza* 'игра', *sizäl'i* 'пазуха' (*š* по ассимиляции с *z*), *sizil'iuhkoi* 'ящерица' (*š* по ассимиляции с *z*), *sizmu* 'сковородник' (*š* по ассимиляции с *z*), *er'ize* 'отдельно', *nuorizo* 'молодежь', *tal'izu* 'ветренный', *aizu* 'оглобля', *raizivo* 'колея' и т. п.

„В видлицком говоре, как и в некоторых других, данное явление имеет два существенных ограничения.

„Во-первых, *s* остается без изменения перед твердым *t*. Примеры: *istä* 'сидит', *kistä* 'спорит, вздорит', *köqhäl'istö* 'беднота', *lumistu* (партитив) 'снежного', *kaun'istä* 'украшает' и т. п. Очевидно, твердость *t* мешала смягчению предшествующего *s*.

„Во-вторых, *z* (из *s*) остается без изменений в конце слова. Примеры: *ruiz* 'рожь', *valmiz* 'готовый', *pertiz* 'в избе [также 'из избы', — М. Х.]', *pavoiz* 'в горшках [также 'из горшков', — М. Х.]' и т. п.“³

Возникает вопрос: почему же во всех ливвиковских говорах в конце слова после *i*, *i* сохраняется нефонетичное свистящее *z*, почему оно не переходит в шипящее *ž*? В другой своей статье Д. В. Бубрих дает на это следующий ответ: „Очевидно, в исходе слова на смыке с последующим словом в свое время могли возникать какие-то особые затруднения для смягчения *s*“.⁴ (Напомним здесь, что непременным условием для перехода свистящих в шипящие являлось смягчение *s*, а смягчение *s*,

¹ Lauri Kettunen. Suomen murteet, III, стр. 192.

² E. N. Setälä. Yhteissuomalainen äännehistoria, стр. 227.

³ Д. В. Бубрих. К вопросу об исторической последовательности фонетических сдвигов в ливвиковском наречии карельского языка. Изв. Карело-Финской базы АН СССР, № 1—2, Петрозаводск, 1947, стр. 120—121.

⁴ Д. В. Бубрих. Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах. Уч. зап. ЛГУ, вып. 2, 1948, стр. 133.

в свою очередь, вызвано *i, i*). По нашему мнению, объяснение этого интересного фонетического явления может быть и другим.

Смягчение *s(z)* после *i, i* в абсолютном конце слова в таких случаях, как: *pertiz* 'в избе, из избы', *pavoiz* 'в горшках, из горшков' могло задержать твердое *t* бывшего элатива (**pertistä, *pavoista*). Значит, и в этом случае смягчение *s* после *i, i* могло быть задержано таким же образом твердым *t*, как и в случаях *istü, kustä, kaunistaa* и т. д. Следовательно, в обоих случаях для сохранения *s* после *i, i* могла иметь силу одна и та же фонетическая закономерность. Такое объяснение представляется нам самым естественным. Что касается сохранения *s(z)* после *i, i* в абсолютном конце слова в таких случаях, как *ruiz, valmiz* и т. д., где переходу $s > s' > \bar{s}$ не могло помешать твердое *t*, то *s(z)* в них могло обобщиться по аналогии с *pertiz, pavoiz*.

Объясняя сохранение *s(z)* без всяких изменений в абсолютном конце слова в таких случаях, как *pertiz, pavoiz*, тем, что после него (*s, z*) стояло твердое *t*, которое помешало смягчению *s(z)*, мы тем самым определяем в какой-то мере и время утраты элатива и в вепском языке, и лудиковском и ливвиковском наречиях карельского языка. Значит, элатив мог иметь место еще после того, как из вепского языка выделилось ливвиковское и лудиковское наречия карельского языка.

При рассмотрении вопроса о возможности существования исходных падежей в вепском языке и южнокарельских говорах следует обратить внимание на содержание вепского агглютината *-päi* (~ *-pai* ~ *-pä* ~ *-pā* ~ *-pei* и т. д. < *päin), южнокарельского *päi* ~ *päin* и финского наречия-последлога *päin*, которые употребляются при внутренне-местных и внешне-местных падежах, а также при наречиях со значением места.

Вепский формант *-päi* и финское наречие-последлог *päin* исторически являются падежной формой инструктива во множественном числе слова *pää* 'голова, конец'; *päin* можно перевести 'концом, головой'. Современное финское наречие-последлог *päin* можно перевести 'стороной, направлением, концом, головой'. Никакого конкретного направления оно не показывает, в смысле направления *päin* является нейтральным; конкретное направление (направление во внутрь, на внешнюю сторону, исход, выход, отход и т. д.) показывают те падежи, при которых оно употребляется, например, по-фински *metsään päin* 'по направлению к лесу, в сторону леса' (первон. — 'концом, головой к лесу'), *metsästä päin* 'со стороны леса' (первон. 'концом, головой из леса'), *metsässä päin* '(быть) в стороне леса, в направлении к лесу' (первон. 'концом, головой в лесу'), *järvelle päin* 'в сторону озера, к озеру' (первон. 'концом, головой к озеру, на озеро'), *järveltä päin* 'со стороны озера' (первон. 'концом, головой от озера'), *järvellä päin* '(быть) в направлении к озеру, в стороне озера' (первон. 'концом, головой на озеро'); по-вепски *metshapäi* 'в сторону леса, к лесу', *metsaspäi* 'со стороны леса' и 'из леса', *järvelepäi* 'в сторону озера, к озеру', *järvelpäi* (~ *jarvoupäi* ~ *jarvuupäi*) 'со стороны озера' и 'с озера, от озера', в наречии *eduipeäi* 'вперед, в передней стороне'. Обращает на себя внимание двойственная природа вепского агглютината *-päi* (бывшего последлога *päin*). При иллативе и аллативе он обозначает только нейтральную сторону, направление, а само направление движения показывают падежи (*metshapäi* 'к лесу, в сторону леса', *järvelepäi* 'в сторону озера, к озеру'). При инессиве-элативе и адессиве-аблативе этот агглютинат имеет двойное значение: 1) обозначает ней-

тральную сторону, направление и 2) содержит в себе значение исходности (*metsaspäi* 'со стороны, по направлению из леса' и 'из леса', *järvelpäi* 'со стороны, по направлению от озера' и 'с озера'). В южно-карельских наречиях *päi* имеет такое же двойственное значение, как и в вепском языке. О двойственной природе этого *päi(n)* в ливви-ковском наречии карельского языка Н. А. Анисимов пишет следующее: „Употребляется этот падеж [инессив-элатив, — М. Х.] и с послелогом *päi*,¹ но при этом он может иметь двойное значение: во-первых — из чего, с чего, во-вторых — в направлении от чего, со стороны чего; например: *lapset jo tullah skolas päi* 'дети уже идут из школы' (поскольку известно, что дети были в школе), *lehmät tullah külüs päi* 'коровы идут от бани, со стороны бани' (поскольку известно, что коровы не были в бане), *tuulou järves päi* 'дует ветер со стороны озера', *masin tul'i l'innas päi* может означать 'машина прибыла из города' и 'машина пришла с городской стороны', *olen l'innas päi tulemas* 'нахожусь в пути из города', *metsäs päi kuulutah kellot* 'колокольчики слышны из леса' и 'колокольчики слышны со стороны леса', *kaži juoksi aitas päi* 'кошка бежала из кладовой' и 'кошка бежала в направлении от кладовой'“.²

Чем объяснить такую двойственную природу агглютината *-päi* южнокарельских наречий и вепского языка? Объяснить это явление легко, если исходить из предположения о существовании исходных падежей — элатива и аблатива в прошлом этих языков. В таком случае агглютинат *-päi* (в прошлом наречие-послелог *päin*) мог иметь только одно значение: значение нейтральной стороны, без указания направления, а само конкретное направление (пребывание, исход, прибытие) показывали те падежи, при которых употреблялся этот агглютинат (в том числе и элатив, и аблатив), как это имеет место и сейчас, например в финском языке в наречии-послелого *päin*. Второе, новое значение — исходность, отделительность — агглютинат *-päi* получил только после того, как в вепском языке утратились различия между инессивом и элативом, адессивом и аблативом, т. е. тогда, когда инессив и элатив слились в один падеж инессив-элатив, а адессив и аблатив — в один падеж адессив-аблатив. Такое слияние падежей привело к неразличению пребывательности и исходности в случаях, когда весь контекст в целом не подсказывал этих различий. Для устранения такого пробела был использован агглютинат *-päi*, который получил еще одно, новое значение — значение исходности, отделительности тех исходных, отделительных падежей, при которых он до этого употреблялся, и в большой степени (только в большой степени, а не совсем) восполнил утрату элатива и аблатива. Утрата элатива не была восполнена агглютинатом *-päi* в тех случаях, когда при этом падеже не употреблялся агглютинат (раньше послелог), т. е. в тех случаях, когда элатив не имеет исходного значения, например *ost'in sadas rub'as* 'я купил за сто рублей', *o'tin hänt kädes* 'я взял его за руку'. Кроме того, употребление указанного агглютината совершенно не обязательно даже в тех случаях, когда элатив имеет и исходное значение. Например *hongas hongha l'endlob* 'с большого дерева на (другое) большое дерево перелетает'.

На возможность получения агглютинатом *-päi* нового содержания

¹ Н. А. Анисимов южнокарельское *päi* называет послелогом, а не агглютинатом.

² Н. А. Анисимов. Фонетика и морфология коткозерского говора (рукопись, хранится в архиве Карельского филиала АН СССР).

в связи с утратой вепским языком элатива и аблатива указывает и Л. Кеттунен. „Послеслог *räin* (инструктив от *rä* 'голова, конец'), — пишет он, — оказался общим окончанием отделительных падежей в таких случаях, когда исходный падеж требует уточнения. Таким образом образовалось новое окончание элатива и аблатива“.¹ (Вепский формант *räi* мы рассматриваем как агглютинат, а не падежное окончание).²

Двойственная природа вепского и южнокарельского агглютината *-räi(n)* (значение нейтральной стороны, направления, как и финского или собственно карельского *räin*, и значение исходности, отделительности) косвенно говорит о бытовании исходных падежей в прошлом южнокарельских наречий и вепского языка.

ПРИЧИНЫ УТРАТЫ ИСХОДНЫХ ПАДЕЖЕЙ ЭЛАТИВА И АБЛАТИВА В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ И ЮЖНОКАРЕЛЬСКИХ НАРЕЧИЯХ

Лаури Кеттунен в своей монографии, посвященной истории звуков южновепских говоров, утрату элатива и аблатива объясняет отпадением *t* в постконсонантном положении.³ Э. А. Тункело в своей работе по истории фонетики вепского языка⁴ опровергает все фонетические доводы Кеттунена. Э. Тункело в своей полемике с Л. Кеттуненом не определяет причин, которые могли бы, с его точки зрения, привести к исчезновению исходных падежей в вепском языке, но выдвигает предположение, что причины исчезновения этих падежей, возможно, надо искать в синтаксисе, значениях и функциях падежей и, быть может, во влиянии других языков. Э. Тункело решительно отвергает возможность объяснения утраты исходных падежей в результате фонетических изменений в составе этих падежных окончаний.

Следует более подробно рассмотреть выдвинутые Кеттуненом фонетические обоснования причин утраты исходных падежей вепским языком и южнокарельскими наречиями и возражения Тункело, так как эти проблемы обсуждаются только в их работах.

Положение Кеттунена о том, что в вепском языке исходные падежи утратились в результате отпадения *t* в постконсонантном положении, заслуживает самого серьезного внимания, если это частное явление включить в общую закономерность нетерпимости сочетания согласных в конце слога середины и конца слова в прибалтийско-финских языках. Как известно, эти языки не терпели сочетания согласных ни в начале слова или слога, ни в конце слога середины слова, ни в конце слова. В. Д. Бубрих дает следующее описание сочетаний согласных в прибалтийско-финском языке: „Слог мог начинаться не более чем на один согласный. Это значит, что не более чем на один согласный могло начинаться и слово в целом. К этому нужно добавить, что непервые слоги начинались на один согласный обязательно... Оканчиваться слог мог и на сочетание двух согласных. Но в этом случае первый из согласных должен был быть бесшумным (сонорным), а второй шумным. Последний слог, впрочем, оканчивался не более чем на один согласный (разрядка наша, —

¹ L. Kettunen. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki, 1943, § 577.

² См. нашу статью „Об агглютинатах в вепском языке и южнокарельских наречиях карельского языка“ в трудах Карельского филиала АН СССР „Прибалтийско-финское языкознание“ (вып. XII, Петрозаводск, 1958).

³ Lauri Kettunen. Lounavepsa häälikajalugu, § 32.

⁴ E. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria, §§ 43₉, 49₈, 49₉, 135₁.

М. Х.)¹ Такая закономерность употребления согласных в конце слога сохраняется в основных чертах и по сей день в финском литературном языке, собственно карельских и ливвиковских говорах карельского языка. Особенно это касается тех случаев, где один из компонентов в сочетании согласных является взрывным.

Для иллюстрации этого положения приведем некоторые примеры. Выше, в другой связи, было отмечено, что в результате отпадения или выпадения *e* в трех- и многосложных словах (до этого только в нечетносложных) типа *jänikse-* 'заяц', *kirjoitukse-* 'запись, письмо' в конце слова или конце слога середины слова должно было оказаться нефонетичное *ks*, но из-за нетерпимости сочетания согласных в конце слова или конце слога середины слова нефонетичное сочетание *ks* упрощается в фонетичное *s*, например *jänikset: jänis, jänistä* 'зайцы, заяц, зайца'. В вепском языке в данном типе слов сочетание *ks*, упростившееся в *s* (или его отражения *z, š, ž*), обобщилось в основе слова во всех случаях — фонетичных и нефонетичных, например *jänis|ed (~ ad): jänis, jänist* 'зайцы, заяц, зайца'.

Недостаточно ясным еще является вопрос, как произошел переход *ks* в *s* и *ps* в *s* — непосредственно или через какую-либо промежуточную ступень. Весьма возможно, что при переходе *ks > s, ps > s* и в других случаях имели место и промежуточные ступени. Такое предположение высказали Л. Кеттунен и Э. Тункело. Но в данном случае не это является существенным. Самым важным здесь является то, что в результате в конце слога середины и конца слова оказалось *s*, а не сочетания *ks* или *ps*.

Упрощение вышеупомянутых сочетаний согласных в один согласный (*ks > s, ps > s*) — общеприбалтийско-финское явление. Таким образом, еще до широкого отпадения гласных в вепском языке (в том числе и *a, ä* в составе элатива и аблатива) существовала традиция упрощения сочетания согласных в конце слога середины и конца слова в один согласный. Особенно это касается конца слога в исходе слова. Поэтому мы считаем приемлемым объяснение Кеттунена, что вепский язык утратил исходные падежи — элатив и аблатив в результате отпадения *t* в постконсонантном положении в исходе слова. Еще раз отметим, что нетерпимость *t* в постконсонантном положении в исходе слова мы рассматриваем как частное явление общей закономерности нетерпимости сочетания согласных в конце слога середины и конца слова. Л. Кеттунен не ставит отпадение глухого *t* в постконсонантном положении в связь с общей закономерностью нетерпимости сочетания согласных в конце слога и слова.

Весьма серьезные возражения против теоретических положений Л. Кеттунена высказал Э. Тункело. Поскольку в этих возражениях заключается не только мнение самого автора по рассматриваемому вопросу, но изложено все основное, что до сего времени сказано по вопросу об отсутствии исходных падежей в вепском языке и южно-карельских наречиях, считаем необходимым привести высказывание Э. Тункело почти полностью. „Так же, как и аблатив, — пишет Э. Тункело, — в вепском языке отсутствует элатив, хотя уже в прафинском языке был исходный падеж на *-sta, -stä*. (Ведь имеется же в мордовском языке как по морфологической оформленности, так и

¹ Д. В. Бурх. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948, стр. 19—20.

по значению точное соответствие прибалтийско-финскому элативу). Утрата элатива вепским языком до сего времени не объяснена и вряд ли получит свое объяснение и в будущем только на основе истории фонетики вепского языка, например на основе отпадения глухого постконсонантного *t*.¹ Даже в олонецком наречии карельского языка инессив и элатив «слились в один падеж, окончанием которого (перед притяжательным суффиксом) является *-ssa(-sta) sinussas* 'в тебе, из тебя', *uuvessah*² 'снова'; в рунах иногда *ssu, ssü: karzinassu* 'в подполье, из подполья', *metsässy* 'в лесу, из леса'; обычно *-s* и *-z*». ³ Следовательно, слияние элатива и инессива в олонецком наречии в один падеж не зависит от отпадения конечных гласных или согласных и от последствий этого отпадения. И в людиковском наречии также имеет место инессив-элатив, окончанием которого является *-ssä-* (напр. *itsessäh*), *ss* или (обычно) *s*.⁴ В южнолопарских говорах окончанием элатива является *-st*, инессива *-sn*.⁵ В луулайском говоре лопарского языка общим окончанием эссива и инессива является *-n*, для элатива — только *-s*.⁶ У норвежских и кольских лопарей для обеих падежей, инессива и элатива, окончанием является *-st*,⁷ кроме говоров Каутокейно и Карисъёки, где окончанием этих падежей является только *-s*, начинающее проникать в полмакские говоры.⁸ Таким образом, вопрос об отсутствии элатива в вепском языке является слишком сложным для окончательного разрешения сейчас.

„Даже в пермских языках, в которых окончанием элатива является *s*, в окончании элатива *t* сохраняется только перед притяжательными суффиксами в вотяцком (удмуртском, — М. Х.) языке, например, *korka* 'haus', элат. — *korkas*', с притяжательными суффиксами в елабугском говоре — *korkas'tim* 'aus meinem Hause'. Отсутствие элатива в пермских языках объясняют в историко-фонетическом плане: в конце слова *st > s*. В севернорусских говорах встречается подобное же звукоизменение: *st > s, st' > s'*.⁹ Но в вепском языке *st* является устойчивым и в конце слова: в нем всегда *last* 'ребенка', *must* 'черный', *vast* 'веник', *lambast* 'овцы', *kirvest* 'топора'. Сохраняется *-st* и в олонецком наречии: *koi-vustu* 'березы', *mätästy* 'кочки', *mustu* 'черный'; сохраняется также и у людиков: *pakašt* 'мороза', *rugišt* 'ржи'.

„Заслуживает все же некоторого внимания тот факт, что в эстонском языке в эссиве наблюдаются окончания на *-st* и *-ss*: *koigest ~ kigest ~ koegess* (Eesti murdeatlas, 55, III) и в водском языке *st ~ ss* (в открытом слоге): *s* (в закрытом слоге), напр. *puussa* финск. *puusta* 'из или с дерева', *meissamassa* 'перестать понимать'".¹⁰

Об утрате вепским языком аблатива Э. Тункело пишет следующее: „Утрата входившего в состав аблатива конечного *t* неубедительно объясняют тем, что это вторичного происхождения *t* отпало в постконсонантном положении.¹¹ Даже в олонецком [в ливвиковском, — М. Х.] и

¹ Так уже пытались объяснить: LVHA, 32.

² У А. Генетца наряду с *uuvessah* дается также *uuvestah* (примечание наше, — М. Х.).

³ A. Genetz, TAK, s. 149.

⁴ Kieletär I r, s. 18.

⁵ Lagercrantz, Sprachlehre des Südlapp. 15, 19.

⁶ Wiklund, Lärobok i lappskan s. 24.

⁷ Szinnyei, FUSpr², s. 67.

⁸ Nielsen, Lærebok i lappisk I 20.

⁹ Uotila: SUST LXV 314—315.

¹⁰ Kettunen, VKAH² § 354. — E. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria, § 49₈.

¹¹ LVHA, 56.

в людиковском наречиях адессив и аблатив слились в один падеж «casus externus» с окончанием на *-l*, который в древних олонецко-карельских рунах сохраняет также формы с неотпадающим гласным, например: *mäelly* 'на горе, на гору, с горы', *suudijoilu* 'у судей, судьям, от судей' и перед притяжательными суффиксами *-llä*: *täyvelläh* 'полностью', *yhtelläh* 'все же'.¹ Адессив-аблатив личных местоимений в людиковских говорах звучит в Святозере *minul ~ -lain* 'у меня, от меня', *hänel ~ -läh* 'у него, от него', *meil ~ ll* 'у нас, от нас', в Суне и Муозере *millai* 'у меня, от меня', *sillai* 'у тебя, от тебя', *hällai* 'у него, от него', *meill* 'у нас, от нас', *teill* 'у вас, от вас', *heill* 'у них, от них'. На основе только одной фонетической структуры этих трех языков трудно находить объяснение об утрате ими аблатива".²

Все сказанное Э. Тункело о невозможности утраты вепским языком элатива и аблатива в результате отпадения *t* в постконсонантном положении можно свести к трем положениям: 1) сочетание *st*, *št* в вепском языке имеет устойчивое положение в конце слова, например в номинативе: *vast* 'веник', *must* 'черный'; в партитиве: *kirvest* 'топора', *rugist* 'ржи' и т. д. (добавим, что в современном вепском языке в исходе слова не только сочетание *st* имеет устойчивое положение, но и сочетания других согласных, например *kaks* 'два', *tal'v* 'зима', *hang* 'вилы', *händ* 'хвост', *hänt* 'его, ее', *p'üud*, *peld* 'поле', *kärz* 'морда' и т. д.); 2) в ливвиковском наречии имеют место *mustu* 'черный', *vastu* 'веник', *kirvestü* 'топора', *ruistu* 'ржи' и в старых рунах *viizahassu* 'в хитром, из хитрого', *mäellü* 'на горе, с горы, на гору' (это значит, что в ливвиковском наречии, по мнению Э. Тункело, *t* никогда не было в постконсонантном положении в исходе слова — для этого не было никаких фонетических условий, ибо *a*, *ä* в исходе слова здесь не отпало, а перешло в *u*, *ü*: *mustu* < *musta, *vastu* < *vasta, *viizahassu* < *viizahassa, *mäellü* < *mäellä), и тем не менее и в этом наречии произошла утрата исходных падежей; 3) в южнокарельских говорах различий между пребывательными и исходными падежами нет даже в застывших формах; например, в наречии *iuvessah* 'снова' и в исходно-пребывательных падежах, употребляемых с притяжательными суффиксами, которые обычно сохраняют более древние падежные формы.

Несмотря на серьезные возражения и, на первый взгляд, весьма убедительные доводы Э. Тункело о невозможности утраты вепским языком, а также и южнокарельскими наречиями исходных падежей в результате отпадения глухого постконсонантного *t* в исходе слова, мы все же склонны признать возможной утрату исходных падежей в результате отпадения *t*.

Попытаемся ответить на все основные доводы Э. Тункело. Посмотрим также, возможны ли еще какие-нибудь иные объяснения утраты вепским языком исходных падежей.

Остановимся подробнее на закономерности нетерпимости сочетания нескольких согласных в исходе слова.

Кажется совершенно естественным, что эта закономерность в вепском языке не исчезла сразу, хотя в современном языке сочетание не только двух, но и трех согласных в конце слова и является самым распространенным явлением. Нетерпимость сочетания согласных в ис-

¹ Genetz, TAK, 149—150.

² E. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria, 43.

ходе слова, надо полагать, имела силу и в тот период, когда в вепском языке началось широкое отпадение всех гласных не только в нечетносложных и многосложных, но и двусложных словах с долгим первым слогом. Возможно, что в новой обстановке широкого отпадения гласных изменились и некоторые старые закономерности отпадения и выпадения или точнее — исчезновения одного из компонентов в составе сочетания согласных в конце слога середины и конца слова. Если в период прибалтийско-финской языковой общности „сочетания двух любых согласных, кроме сочетаний с *i* (по артикуляции — неслоговым гласным), оказались в конце слова нетерпимы, и первый [курсив наш, — М. Х.] из этих согласных выпал“,¹ то в новой обстановке широкого отпадения гласных в вепском языке установились, очевидно, еще и новые закономерности упрощения сочетания согласных в исходе слова, например отпадение *второго*, а не первого согласного, если вторым согласным являлся взрывной. К этим новым явлениям упрощения сочетания согласных могло, очевидно, относиться, например, и отпадение *t* в постконсонантном положении.

Свидетельством образования такой фонетической закономерности в новой обстановке, очевидно, может являться развитие вепского *tuha* ‘тысяча’ (более древняя форма слова *tuhant* < *tuhante; основа *tuhante*- имеет место и в настоящее время в других прибалтийско-финских языках). Это числительное в вепском языке могло развиваться, как нам кажется, только в следующей фонетической последовательности: *tuhante** > *tuhant** > *tuhan** > *tuha* (в других прибалтийско-финских языках *tuhante** > *tuhant** > *tuhant*). Отпадение *n* в абсолютном конце слова является распространенным явлением в прибалтийско-финских языках. Не исключена и последовательность развития *tuhante** > > *tuhant** > *tuhant** > *tuha*.²

Необходимо заметить, что в современных говорах вепского языка отпадение *d* (< *t*) возможно в составе суффикса 3-го л. мн. ч., например *andoi|ba(d)* ‘они дали’. Но, во-первых, такое отпадение настолько позднее явление, что оно полностью еще не завершилось: в южно-вепских говорах это *d* вообще не отпадает (*andoi|bad*), в ряде говоров рассматриваемое *d* может употребляться или не употребляться (*andoi|ba* ~ *andoi|bad*). Во-вторых, отпадение *d*, там где оно имеет место, не изменяет ни основы слова, ни самого суффикса. Отпадение *d* в данном случае, возможно, не имеет отношения к случаю отпадения *t* в составе слова *tuha*, ибо в последнем случае речь идет о древнем явлении, охватывающем все говоры вепского языка.

Следует более подробно остановиться на возражениях Э. Тункело о невозможности утраты элатива, а также и аблатива в вепском языке и южнокарельских говорах в результате отпадения *t* в постконсонантном положении в исходе слова.

Интересен вопрос, почему в вепском языке, где так же, как и в других прибалтийско-финских языках, сочетание согласных в конце слова являлось абсолютно нетерпимым, это сочетание стало возможным в рассматриваемом положении. Требуется объяснения и то, почему в одних случаях сочетание *st*, *št* в конце слова терпимо, например в случаях *must* < *musta ‘черный’, *vast* < *vasta ‘веник’ и *kirvest* <

¹ Д. В. Бубрях. Историческая фонетика финского-суоми языка, стр. 179.

² Lauri Kettunen. Suomen lähisuku kielten luonteenomaiset piirteet. Helsinki, 1960, § 44.

*kirvestä 'топора', *rugist* < *rugista 'ржи', а в других нетерпимо, например *järves* < *järvest < *järvestä 'из озера', *pert'is* < **pert'ist* < **pert'istä* 'из избы', хотя условия упрощения сложного звукосочетания согласных в один согласный или сохранения такого звукосочетания в указанных случаях, по мнению Э. Тункело, были совершенно одинаковы.

Следует заметить, что Э. Тункело не учитывает, где и в каких условиях происходит отпадение согласных и где происходит образование сочетания согласных: в основе ли слова или в суффиксе; в суффиксе ли, который исторически может относиться к двум слогам, т. е. в таком суффиксе, в котором могут быть рядом два согласных, или в таком суффиксе, который может относиться только к одному слогу. На первый взгляд, эти языковые факты фонетического характера кажутся незначительными, но на самом деле они весьма существенны и должны учитываться.

Следует особо подчеркнуть, что условия для отпадения *t* в постконсонантном положении в рассматриваемых случаях были во многих отношениях различны, а не одинаковы, как утверждает Э. Тункело и на что не обратил внимания Л. Кеттунен, хотя во всех случаях сочетание *st* и имело место в конце слова. Общим для них было только то, что сочетание *st* во всех трех случаях находилось в конце слова.

Рассмотрим условия, при которых возможны сохранение или упрощение сочетания *st* в конце слога середины и конца слова. Особенно интересует нас конец слова.

1. В словах типа *vast* < *vasta 'веник', *must* < *musta 'черный' и т. д. сочетание *st* в конце слова образовалось после отпадения *a*, *ä* в основе слова, т. е. только в форме именительного падежа. Это значит, что сочетание *st* в середине слова является фонетичным и неизбежным. Это сочетание (*st*) в середине слова употребляется, кроме иллатива, во всех косвенных падежах единственного и множественного числа и в номинативе множественного числа, т. е. в подавляющем количестве случаев, например: *must*, *mustan*, *mustata*, *mustaks*, *mustalle*, *must|al* (~ *ou* ~ *au*), *mustad*, *mustiks*, *mus-tid'e(n)* и т. д. Нефонетичным сочетание *st* в словах типа *must*, *vast* и других является только в исходе слова, т. е. только в номинативе единственного числа. Даже в том случае, если бы в номинативе (т. е. в абсолютном конце слова) отпадение *t* после *s* и имело место (*musta* > *must* > *mus*), сочетание *st* в исходе слова могло бы быть восстановлено по аналогии с подавляющим количеством случаев, где такое сочетание являлось фонетичным.

О восстановлении сочетаний согласных в конце слога можно найти много примеров в прибалтийско-финских языках, в том числе и в вепском языке. Например, вместо фонетичного *s* в некоторых прионежских вепских говорах по аналогии обобщилось нефонетичное сочетание *ks* в конце слога середины и конца слова в таких случаях, как *joksta* 'бежать', *küksta* 'догнать', *ukst* 'двери' (род. п. ед. ч.), *sukst* 'лыжи' (род. п. ед. ч.), на основе тех форм, в которых такое сочетание является фонетичным¹ (в основной массе вепских говоров — *josta*, *küsta* *ust*, *sust*). В ингерманландских говорах финского языка вместо фонетичного *hius* 'волос, волосинка' употребляется *hiuks*, в котором нефонетичное сочетание *ks* в конце слова обобщилось по аналогии с теми формами,

¹ E. N. Setälä. Yhteissuomalaisten klusillien historiasta, стр. 166.

где *ks* является фонетичным.¹ Восстановление сочетания согласных в конце слога середины и конца слова по аналогии является, таким образом, распространенным явлением.

2. Нефонетичное сочетание *st* в конце слова в случаях *kirvest* 'топора', *kerandest* 'ушата', *rugist* 'ржи' и других образовалось в результате отпадения *a* (*ä*) в словоизменительном суффиксе — партитиве, где падежное окончание присоединяется к согласной основе слова на *s*, *š*: сочетание *st* в конце слова здесь образуется из *s*, *š*, входящего в состав основы слова, и *t*, входящего в состав словоизменительного суффикса — партитива. Заметим здесь, что окончание партитива *t*, *d* присоединяется и к другим согласным основы, например *sur|t ~ d* 'большого', *sizar|t ~ d* 'сестры', *hul|t ~ d* 'губы', *samal|t ~ d* 'мха', *son|t ~ d* 'жилы', *paimen|t ~ d* 'пастуха', *pen'|t' ~ d* 'маленького' и т. д. Но падежное окончание партитива присоединяется не только к согласной, но и к гласной основе слова. Большинство имен в единственном числе имеет только одну гласную основу, например: *hebo|d* 'лошади', *lava|d* 'пола', *s'il'm'ä|d* 'глаза' и т. д. Во множественном числе окончание партитива, как и окончания других падежей, присоединяется только к гласной основе, например: *hebo|id'* 'лошадей', *lavo|id'* 'полов', *s'il'mi|d'* 'глаз', *kirvhi|d'* 'топоров', *kerandesi|d'* 'ушат'. Необходимо также отметить, что при односложных словах с кратким открытым слогом окончание партитива сохраняется в своем первоначальном виде — даже без отпадения *a* (*ä*), например: *ke|da* 'кого', *mi|da ~ mi|d'ä* 'чего, что'. В большинстве случаев окончание партитива оказывается в такой фонетической позиции, где оно не может отпасть.

Таким образом, с точки зрения общих фонетических закономерностей вепсского языка, в словах с основой на гласный (это подавляющая часть случаев) окончание партитива могло бы употребляться, а в словах с основой на согласный его употребление являлось бы невозможным. С последовательным соблюдением фонетических закономерностей в употреблении партитива получился бы настоящий хаос. Для предупреждения хаоса в употреблении партитива язык нашел выход. Этим выходом явилось морфологическое обобщение окончания партитива во всех случаях — в фонетичных и нефонетичных положениях, по аналогии с подавляющим количеством случаев, где употребление партитива являлось фонетичным.

О том, какие морфологические обобщения произошли в партитиве, свидетельствуют и другие нарушения фонетических закономерностей в ряде говоров вепсского языка в связи с употреблением окончания рассматриваемого падежа. В вепсском языке глухие *k*, *t*, *p*, *s*, *š* в положении между гласными или гласными и сонантами, а также после них в конце слова перешли в звонкие *g*, *d*, *b*, *z*, *ž*, и их употребление в таком положении является фонетичным.

Сейчас нас интересует переход глухих в звонкие в конце слова после звонких согласных, например: *händ* < *häntä 'хвост', *izänd* < *isäntä 'хозяин', *kuud* < *kulta 'золото', *härg* < *härkä 'бык', *pard* < *parta 'борода', *birb* < *virpi 'дратва' и т. д. В южновепсских говорах эта закономерность озвончения является абсолютной и касается озвонче-

¹ На это обратил внимание V. Ruoppila (см. его: *Äyrämöismurteiden äännehistoria*, Helsinki, 1955). Он отмечает, что *hiuks* употребляется в ввремейском говоре. Заметим здесь, что *hiuks* употребляется во всех ингерманландских говорах, а не только в ввремейском.

ния в основе и окончании партитива, например: *sond* < *sõnta 'жилы', *händ* < *hãntä 'хвост' и 'его', *änd* < *ãntä 'голоса', *paimend* < *paimenta 'пастуха', *jurd* < *jũrtä 'корня', *tütärd* < *tütãrtä 'дочери', *huld* < *hãlta 'губы', *hil'd* < *hĩltä 'угля', *kel'd* < *kẽltä 'языка'. Но во всех остальных вепсских говорах фонетичное озвончение окончания партитива *t* после звонких согласных не происходит, например: *g'urt*, *jurt*, *hult*, *kort*, *paiment*, *humbart*, *kel't*, *hãnt* 'его', *ãnt* 'голоса'.¹ Подобное употребление нефонетичного *t* в партитиве могло обобщиться по аналогии с такими случаями, где *t* является фонетичным, например: *kirvest* 'топора', *kerandest* 'ушата', *mest* 'человека', *nagrist* 'репы', *tošt* 'второго, другого'. В этих говорах установилась такая закономерность, что после гласных окончанием партитива является *-d* или *d'*, а после всех согласных (звонких и глухих) — *-t* или *-t'*. О чем же говорят приведенные примеры? О том, что в оформлении показателя партитива в постконсонантном положении в подавляющей части вепсских говоров произошли весьма большие обобщения аналогического порядка. Морфологические обобщения такого характера способны были не только противопоставить себя первоначальной фонетической закономерности нетерпимости сочетания согласных в конце слова, в том числе и *st* в партитиве, но и способствовать изменению и уничтожению этой закономерности.

Морфологические обобщения показателя партитива *-d*, *-t* при всех основах — гласных и согласных (в том числе и в словах с основой на *s*, что приводит к образованию в таких словах сочетания *st* в конце слова в партитиве) — является одним из многочисленных примеров нарушения первоначальной фонетической закономерности нетерпимости сочетания согласных в конце слова в пользу морфологической целесообразности.

Нарушение фонетических закономерностей в пользу морфологической целесообразности — частое явление не только в вепсском, но и в других прибалтийско-финских языках. Для норм вепсского языка отпадение *n* является фонетичным. Но эта фонетическая закономерность не соблюдается в языке абсолютно. В этом отношении существует ряд ограничений, в том числе и ограничения, связанные с морфологической целесообразностью. Например, в основной массе вепсских говоров *n* отпадает в окончании генитива во множественном числе (*lapsid'e* ~ *lapsid'en* 'детей', *prihojd'e* ~ *prihojd'en* 'парней' и т. д.), но не отпадает в генитиве в единственном числе (*lapsen* 'ребенка', *prihan* 'парня' и т. д.). Такое отпадение или сохранение в генитиве понятно: отпадению не препятствует в генитиве множественного числа то обстоятельство, что *n* входит только в состав этого окончания, а не является самим окончанием, т. е. форма генитива во множественном числе из-за отпадения *n* не перестает быть окончанием генитива (*-d'e* ~ *-d'en* < *-d'e + n*; *-d'e* по своему происхождению является показателем множественного числа, *n* — падежным окончанием), в то время как *n* в единственном числе является самим окончанием генитива. Генитив в единственном числе совпадает с аккумулятивом единственного числа.

В печеничком говоре на основе отпадения или сохранения *n* образовалось два падежа: генитив и аккумулятив. Генитив образовался в результате фонетичного отпадения *n* (*minu pojga lapsen* 'дети моего сына') и

¹ Окончание партитива *t*, *t'* может являться кратким и полудолгим. Эту разницу мы здесь не отмечаем. В данном случае мы обращаем внимание только на обстоятельство, что показатель партитива в таком положении является глухим.

аккузатив в результате нефонетичного сохранения *n* (*m'ä kazvat'in poigan* 'я вырастил сына').

Нужно отметить, что в историческом развитии элатива в вепском языке почти не было возможностей для сохранения или восстановления в абсолютном конце слова постконсонантного *t*, как это имеет место в таких случаях, как *must*, *vast* или *kirvest*, *lambast*, *rugist*. При элативной форме (если признать, что элатив существовал в вепском языке) упрощение фонетически нетерпимого сочетания согласных *st*, *št* элатива в абсолютном конце слова в *s*, *š* является естественным. Но здесь нам могут возразить, что такое развитие элатива и инессива невозможно потому, что оно привело бы к совпадению элатива с инессивом. Положение элатива с партитивом совершенно несравнимо в смысле результатов от отпадения гласных. Последовательное соблюдение фонетической закономерности нетерпимости сочетания согласных в конце слова при употреблении партитива привело бы к тому, что в одном типе слов (с основой на гласный, и кстати, преобладающего типа слов) употребление окончания партитива являлось бы возможным, а в другом типе слов (с основой на согласный) — недопустимым. Невозможность употребления падежного окончания партитива в одних случаях и возможность его употребления в других, действительно, создали бы хаос в языке. Для предупреждения этого окончания партитива обобщилось во всех положениях — фонетичных и нефонетичных — по аналогии со случаями, в которых употребление *t ~ d* является фонетичным.

В отношении элатива такое двойственное положение не могло возникнуть. Утрата элативом постконсонантного *t* в конце слова могла привести к совпадению этого падежа с инессивом абсолютно во всех случаях. При совпадении элатива с инессивом фонетически не могло возникнуть положение, при котором в одних случаях употребление элатива являлось бы возможным, а в других — невозможным, как это могло бы иметь место с партитивом. Таким образом, инессивная форма (образовавшаяся из бывшего элатива и инессива) в новой обстановке включила в себя и все основные значения двух прежних падежей — инессива и элатива.

Нам могут возразить, что в вепском языке имеются и такие формы, при употреблении которых в инессиве и элативе, а также и при адессиве и аблативе сохраняются гласные, которые, в свою очередь, должны сохранить в неизменном виде сочетания согласных в падежном окончании, и, следовательно, причиной утраты исходных падежей не может служить нетерпимость сочетания разных согласных в конце слова. Такими формами являются притяжательные суффиксы. В прибалтийско-финских языках широко известно восстановление прежних падежных форм при употреблении притяжательных суффиксов. В ряде финских говоров происходит отпадение конечных гласных в падежных окончаниях, например: *järvest* < *järvestä* 'из озера', *järvelt* < *järveltä* 'с озера'; в результате отпадения гласных совпадают адессив и аблатив: *järvel* < *järvellä* 'на озере', *järvel* < *järvelle* 'на озеро'. При употреблении притяжательных суффиксов восстанавливаются прежние падежные формы, например: *järvelstā|in* 'из моего озера', *järveltä|mmä* 'с нашего озера', *järvellä|is* 'на твоём озере', *järvelle|is* 'на твоё озеро'. И в вепском языке гласные в составе падежных окончаний при употреблении притяжательных суффиксов восстанавливаются, например: *tata|s* 'в отце, при отце, у отца, из отца, от или у отца', *tata|sa|in* (~ *tatasein*) 'в моем отце, при моем отце, у моего отца, из моего отца, от или у моего отца', *tatal* (~ *tatau* ~ *tatou*)

‘от или у отца’, *tatalaj̄n’* (~ *tatalej̄n’*) ‘от или у моего отца’. Из примеров видно, что при употреблении притяжательных суффиксов восстанавливаются только гласные в составе падежных окончаний (выше мы все время говорили, что отпадение *a*, *ä* в элативе должно было создать сочетание **st < *sta*, что нетерпимо в конце слова), но не восстанавливаются ожидаемые элативная форма на *-sta(-stä)* и аблативная на *-lta(-ltä)*. То же самое встречается и в южнокарельских наречиях. Не говорит ли это о том, что утрата вепским языком и южнокарельскими наречиями элатива и аблатива, как это и утверждает Э. Тункело, произошла в результате отпадения *t̄* в постконсонантном положении, и не нужно ли искать иные объяснения нефонетического порядка для этого весьма интересного явления? Но не надо забывать, что при употреблении притяжательных суффиксов восстанавливаются только гласные в составе падежных окончаний, но не сочетания согласных. Нужно также учесть широту употребления притяжательных суффиксов, с одной стороны, в финском языке, с другой — в вепском и карельском языках. Эта морфологическая категория в финском языке — живое и исключительно широко распространенное явление. В вепском и карельском языках притяжательные суффиксы — неживая языковая категория. Они употребляются редко и в весьма узком кругу слов. Кроме того, во многих случаях они вошли уже в состав падежных окончаний. Естественно, что в тех весьма немногочисленных случаях, при которых употребляются притяжательные суффиксы, и где, таким образом, можно было ожидать восстановления окончания элатива на *-sta(-stä)*, обобщилось *s*-овое окончание по аналогии с подавляющим количеством случаев, где отпадение *t̄* в постконсонантном положении являлось фонетичным.

Таким образом, отпадение *t̄* в постконсонантном положении в элативе или, как мы говорим, в силу общей закономерности нетерпимости согласных в конце слова, было вполне закономерным.

Только этим, по нашему мнению, можно объяснить фонетическое совпадение элатива с инессивом в вепском языке.

Те же самые фонетические сдвиги, которые привели к утрате вепским языком элатива, были причиной утраты и другого исходного падежа — аблатива.

По нашему мнению, причины утраты исходных падежей в южнокарельских наречиях те же, что и в вепском языке. Мы разделяем точку зрения Д. В. Бубриха, что южнокарельские наречия — ливвиковское и людиковское — в своем прошлом восходят к вепскому языку.¹

Перейдем к более детальному рассмотрению фонетического развития внутренне-местных и внешне-местных падежей в южнокарельских наречиях.

По мнению Э. Тункело, слияние элатива и инессива в один падеж в ливвиковском и людиковском наречиях не зависит от отпадения гласных и от его последствий, ибо если в этих наречиях окончанием инессива-элатива является *-s(-š)* или *-z(-ž)*, то в них встречаются и такие формы, где нет отпадения конечного гласного. Нет отпадения, например, в некоторых формах с притяжательными суффиксами: *sinu|ssa|s* ‘в тебе, из тебя’, *itse|ssä|h* ‘в самом себе, из самого себя’, *uuve|ssa|h* (*uuve|stah*) ‘снова’, иногда в рунах: *karzina|ssu* ‘в подполье, из подполья’, *metsä|ssä* ‘в лесу, из леса’.² Таким же образом Э. Тункело

¹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, Карело-Финское гос. изд., 1947.

² E. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria, § 43.

отвергает аргументы и об утрате аблатива в результате отпадения *t* в постконсонантном положении, ибо „даже в олонцеком [ливвиковском, — М. Х.] наречии и у людиков адессив и аблатив слились в один падеж — в «*casus externus*» с окончанием на *-l*, который в древних олонцеко-карельских рунах сохраняет формы с неотпадающим гласным, например: *mäelly* 'на горе, с горы', *suudijoilu* 'у, от судей' — и перед притяжательными суффиксами *-llä*: *täyvelläh* 'полностью', *yhtelläh* 'все же'. Адессив-аблатив личных местоимений в людиковских говорах звучит в Святозере *minul ~ lain* 'у меня или от меня', *hänel ~ läh* 'у него или от него'.¹

Нельзя отрывать исторического развития внутренне-местных и внешне-местных падежей в южнокарельских наречиях от развития тех же падежей в вепском языке. Поскольку в южнокарельских наречиях карельского языка и в вепском языке отсутствуют исходные падежи, в существовании которых в прошлом этих языков нет никаких оснований сомневаться, то вполне естественно предположить, как это и делает Э. Тункело, что утрата этих падежей могла произойти вследствие одних и тех же причин.

Если утрата исходных падежей в вепском языке могла произойти, как мы считаем, вследствие упрощения в конце слова нетерпимого сочетания согласных (образовавшихся в конце слова в результате фонетического отпадения гласных), с одной стороны, и если, с другой, терпимость в конце слова нефонетического сочетания согласных (образовавшихся также в результате отпадения гласных) стала допустимой как в основе слова, так и в сочетании согласного основы слова и окончания партитива, то утрата исходных падежей, по мнению Э. А. Тункело, необъяснима вследствие отпадения *t* в абсолютном конце слова в постконсонантном положении в ливвиковских говорах хотя бы только потому, что *t* не могло оказаться в таком положении, ибо *a*, *ä* не отпали, а перешли в *u*, *ü*, что полностью исключает образование в абсолютном конце слова сочетания *st* или *lt*. Как утверждает Э. Тункело, еще в недавнем прошлом и в инессиве, и в адессиве ливвиковского наречия имели место *u*, *ü* (< *a, *ä*).

Действительно, в ливвиковском наречии в абсолютном конце слова *a*, *ä* в большинстве случаев переходят в *u*, *ü*, а не отпадают. Например: *kulda** > *kuldu* (ср. *kulda-*) 'золото', *lehmä** > *lehmü* (ср. *lehmä-*) 'корова', *emändä** > *emändü* (ср. *emändä-*) 'хозяйка', *piendä** > *piendü* 'маленького', *vemmeldä** > *vemmeldü* 'дуги', *kastetta** > *kastettu* 'росы' и т. д. (ср. *kedä* 'кого', *midä* 'чего' и т. д.). Исключение из этого правила составляют двусложные слова с кратким первым слогом, в которых *a*, *ä* не отпадают и не переходят в *u*, *ü*, а сохраняются: *kana* 'курица', *tsoma* 'красивый', *kedä* 'кого', *midä* 'чего' и т. д., и многосложные слова с кратким предпоследним слогом, в которых *a*, *ä* не переходят в *u*, *ü* и не сохраняются, как в двусложных словах с первым кратким слогом, а отпадают (*madal* < *madala (ср. *madala*) 'неглубокий, мелкий', *hämär* < *hämärä (ср. *hämärä-*) 'сумерки' и т. д.). Отпадают также *a*, *ä* в инессиве-элативе (*karzinas* 'в подполье, из подполья', *metsäs* 'в лесу, из леса'), в адессиве-аблативе (*mäil ~ mäel* 'на горе, с горы', *suudijoil* 'у судей, от судей'). Но в старых южнокарельских рунах встречаются случаи перехода *a*, *ä* в *u*, *ü* также и в инессиве-

¹ Там же, 43₉.

элативе и адессиве-аблативе, например: *karzinassu*, *metsässü* и *mäellä*, *suudijoilu*.

Доводы Э. Тункело о невозможности утраты в южнокарельских наречиях и вепском языке исходных падежей вследствие отпадения *t* в абсолютном конце слова в постконсонантном положении (т. е. в результате упрощения сочетания согласных в конце слова) заслуживают серьезного внимания, и с его возражениями следует серьезно считаться, если, во-первых, на самом деле в ливвиковском наречии *a*, *ä* в абсолютном конце слова в отмеченных уже выше случаях непосредственно переходили в *u*, *ü*, т. е. при развитии *a*, *ä* и *u*, *ü* не было никаких промежуточных звеньев; во-вторых, в прямолинейном развитии *a*, *ä* > *u*, *ü* не было никаких отклонений и исключений, т. е. *a*, *ä* переходили в *u*, *ü* одинаково во всех случаях: в основе слова и в падежных окончаниях, и причем в падежных окончаниях, в которых в современном языке имеет место только отпадение *a*, *ä* (например, в инессиве-элативе), и в падежных окончаниях, в которых в одних случаях *a*, *ä* сохраняются и в других — переходят в *u*, *ü* (*kedä* 'кого', *midä* 'чего', *muadu* 'земли', *piendü* 'маленького'); в-третьих, если при развитии *a*, *ä* > *u*, *ü* отсутствуют факторы аналогии.

Развитие конечных *a*, *ä* в ливвиковском наречии нельзя рассматривать в отрыве от людиковских говоров вепского языка. Точно так же невозможно понять историю *a*, *ä* в конце слова в рассматриваемых языках изолированно от развития этого звука в такой же позиции в собственно карельских говорах карельского языка и в финском языке. Развитие конечных *a*, *ä*, в свою очередь, нельзя отрывать от развития других конечных гласных во всех упоминаемых выше языках.

В связи с рассмотрением утраты исходных падежей в южнокарельских наречиях и в вепском языке мы только кратко остановимся на развитии *a*, *ä* в конце слова, поскольку, с одной стороны, утрата упомянутых падежей ставится в косвенную связь с отпадением *a*, *ä* в конце слова, а с другой — имеются возражения против такой постановки вопроса.

В ливвиковском наречии карельского языка, как утверждает Э. Тункело, *a*, *ä* в конце слова перешли в *u*, *ü* во всех случаях, кроме двусложных слов с первым кратким открытым слогом, в которых *a*, *ä* в конце слова сохраняются. В положения Э. Тункело по этому вопросу нужно внести некоторые поправки.

Гласные *a*, *ä* в конце слова в инессиве-элативе и адессиве-аблативе не переходят в *u*, *ü*, а отпадают. Такие, весьма редкие примеры перехода *a*, *ä* в *u*, *ü* в отмеченных падежных окончаниях, как *metsässü*, *karzinassu*, *mäellä*, *suudijoilu*, встречаются, по замечанию и самого Э. Тункело, только в старых ливвиковских рунах. Подчеркиваем — в рунах.

Встречающиеся в старых рунах весьма редкие случаи употребления *u*, *ü* в инессиве-элативе и адессиве-аблативе являются ненадежным материалом для серьезных выводов о переходе *a*, *ä* в *u*, *ü* в рассматриваемых падежных окончаниях. Надо сказать, что в поэзии вообще допускается очень много всяких отклонений от общих норм языка. При соблюдении стихотворного размера не только в рунах и народнопесенном творчестве, но и в поэзии литературной, книжной в употреблении гласных не только конца слова, но и конца слога середины слова допускается очень много всяких отклонений от обычных норм языка. Употребление *u*, *ü* в качестве конечной огласовки

в составе окончаний инессива-элатива и адессива-аблатива в ливвиковских рунах относится как раз к случаям нарушения норм употребления конечных гласных слова, которое связано со стихотворным размером не только в рассматриваемых падежах, но и в других случаях. Отметим также, что при соблюдении старого стихотворного размера в конце слова употребляются не только *и*, *ü*, но и другие гласные и даже чуждые для данного наречия падежные формы. Приведем некоторые примеры употребления конечных гласных в ливвиковских рунах.

В стихах руны *Lugi nuorin Jougamoine zvierire<d> metsässü*¹ 'Сосчитал молодой Еугахаине зверей в лесу' в составе окончания инессива-элатива имеет место *ü* вместо отпадения гласного в обычном тексте (по мнению Э. Тункело, это *ü* развивалось из *ä* в конце слова). В стихотворных строчках: *Nouzi mies mustas meres, vaski suista, vaski päistä, ... vaskikinttu kormanissu*² 'Встал человек из черного моря, медь во рту, медь на голове, медная рукавица в кармане' в одних случаях употребляется инессив-элатив с отпадающим гласным (*mustas meres*), что соответствует нормам языка, в других — с гласным *и* в составе рассматриваемого падежного окончания *-ssu* (*kormanissu*), в-третьих, вместо инессива-элатива — чуждый для данного наречия исходный падеж элатив на *-sta, -stä* (*suista, päistä*). Эги же стихотворные строчки и дальше в руне одного и того же певца повторяются следующим образом: *Nouzi miez mustas meres, hobd'u suissa, hobd'u päissä, hobd'ukintut kormanissa* 'Поднялся мужчина из черного моря, серебро во рту, серебро на голове, серебряная шапка на плечах, серебряные рукавицы в кармане'. Здесь и нормальная форма инессива-элатива *-s* (*mustas, meres, kormanis*), и окончание этого же падежа *-ssa, -ssä* (*suissa, päissä*), а не *-ssu, -ssü*, как в *metsässü*.

Если в стихотворной строчке *Kirgui marjaine mäellü*³ 'Кричала ягодка на горке' окончание адессива-аллатива-аблатива звучит *-llü*, то в стихах *Itköö neicoi, ilavuttau kirjavile kiviyizile, kaunehele kallivoizel* 'Плачет девушка, рыдает на пестрых камнях, на красивой скале'⁴ окончанием рассматриваемого падежа является *и* *-l*, и *-le*, а в стихотворных строчках *Eigö häi muillah duumua күзү, yhtel omalleh tuatal* 'Ни у кого он совета не спрашивает, кроме своего отца' окончанием адессива-аллатива-аблатива является *-l, -lla: -lle*.

Как видим, огласовка и оформление инессива-элатива и адессива-аблатива в языке ливвиковских рун представлены весьма пестро. В рунах встречаются, как мы уже отметили, даже случаи употребления чуждого для ливвиковского наречия исходного падежа — элатива вместо инессива и с инессивным же, а не с элативным значением. Приведенные примеры фонетического оформления рассматриваемых падежей в языке рун убеждают в том, что не имеется достаточных оснований говорить о переходе первоначальных *а*, *ä* в составе упомянутых окончаний в *и*, *ü*. По нашему мнению, *и*, *ü* в рассматриваемых падежных окончаниях употребляются только по требованию традиционного стихотворного размера таким же образом, как и

¹ Suomen kansan vanhat runot II, Helsinki, 1927, стр. 94.

² В. Я. Евсеев. Карельские эпические песни. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 260, 261.

³ Suomen kansan vanhat runot II, стр. 95.

⁴ В. Я. Евсеев. Карельские эпические песни, стр. 302.

a, *ä*, и отнюдь не являются результатом фонетичного перехода *a*, *ä* в *u*, *ü*. Употребление в составе отмеченных падежных окончаний — по требованию стихотворного размера — как *a*, *ä*, так и *u*, *ü* является в какой-то мере восстановлением утраченных гласных. Восстановление в падежных окончаниях инессива-элатива и адессива-аблатива именно гласных *a*, *ä* в языке рун с традиционным размером могло произойти под влиянием собственно карельских или соседних финских говоров, в которых *a*, *ä* сохраняются без отпадения. Заимствование отдельных вариантов, сюжетов рун и т. д. из соседних говоров создало для этого благоприятные условия.

Случаи же восстановления гласного в составе рассматриваемых падежных окончаний через *u*, *ü* можно объяснить влиянием тех случаев, в которых *u*, *ü* в абсолютном конце слова имеют устойчивое положение и чередуются с *a*, *ä* основы слова, например *hukku: hukat, hukan* и т. д. 'волк, волки, волка', *händü: hännät, hännän* и т. д. 'хвост, хвосты, хвоста', и т. д.

В других прибалтийско-финских языках в народной поэзии также встречаются случаи восстановления гласных в конце слова по требованию традиционного стихотворного размера. Часто при этом восстанавливаются не те гласные, которые употреблялись первоначально.¹

Мы, таким образом, не принимаем положений Э. Тункело о переходе *a*, *ä* в *u*, *ü* в составе окончания инессива-элатива и адессива-аблатива в ливвиковском наречии. В этих окончаниях могло иметь место только отпадение *a*, *ä*, как и обстоит дело в современном языке. Но как произошло отпадение *a*, *ä*, это особый вопрос. Возможно, что при этом отпадении имели место какие-то промежуточные звенья. Во всяком случае, для развития конечных *a*, *ä* в инессиве-элативе и адессиве-аллативе-аблативе условия были не совсем такие, как для развития конечных *a*, *ä*, например в именительном падеже. Отпадение конечных гласных инессива-элатива и адессива-аблатива *a*, *ä* не может быть поставлено в связь с другими случаями отпадения гласных, за исключением редких случаев, связанных с притяжательными суффиксами, при которых выпадение или отпадение *a*, *ä* в составе рассматриваемых падежей невозможно.

Но и притяжательные суффиксы в карельском языке не могли вызвать ассоциации восстановления именно гласных *a*, *ä* в составе инессива-элатива и адессива-аблатива хотя бы только потому, что сами притяжательные суффиксы, являясь пережиточным явлением в этом языке, не являются самостоятельной морфологической категорией и вошли в какой-то степени в состав падежных окончаний.

Можно полагать, что переход *a*, *ä* в *u*, *ü* в номинативе, эссиве и партитиве в таких случаях, как *lehmü* при основе *lehmä*- 'корова', *kuldu* при основе *kulda*- 'золото' и т. д., *pienennü* 'в качестве маленького' и *piendü* 'маленького', *vierastu* 'чужого' (при других партитивных образованиях вроде *kedü* 'кого', *kanaa* 'курицы' и т. д.), в ливвиковском наречии карельского языка связан с отпадением *a*, *ä* в инессиве-элативе и адессиве-аблативе, а также с отпадением *a*, *ä* в людиковском наречии карельского языка и в вепсском языке не только в упоминаемых, но и в других падежах.

Прежде чем продолжить наши суждения о последовательности развития конечных *a*, *ä*, отметим, что в части людиковских говоров

¹ Lauri Kettunen. Eestin kielen äännehistoria. Helsinki, 1929, § 383.

конечные *a*, *ä* переходят в *e*(*ε*) в таких же позициях, в каких *a*, *ä* переходят в *u*, *ü* в ливвиковских говорах.

Нам представляется, что широкое отпадение *a*, *ä* произошло не только в вепском языке и части людиковских говоров, но и во всех тех случаях в ливвиковском наречии, где в настоящее время имеет место переход *a*, *ä* в *u*, *ü*, и в части людиковских говоров, в которых наблюдается переход *a*, *ä* в *e*(*ε*). Не следует думать, что там, где сейчас употребляется *u*, *ü* вместо *a*, *ä* (в ливвиковском наречии) и *e*(*ε*) вместо *a*, *ä* (в части людиковских говоров), развитие конечных *a*, *ä* в определенных фонетических позициях обязательно шло по схеме *a*, *ä* > *u*, *ü* или *a*, *ä* > *e*(*ε*). А. Турунен высказывает мысль, что во всех людиковских говорах в определенных фонетических позициях имело место только отпадение *a*, *ä*.

В части современных говоров, в которых сейчас вместо *a*, *ä* употребляется *e*(*ε*), по его мнению, это *e*(*ε*) является вторичным и стало употребляться вследствие восстановления гласных в конце слова; *e*(*ε*)-овое звучание этот звук мог получить в результате редукции восстановленных *a*, *ä*.¹ Мы согласны с А. Туруненом в том, что исторически во всех людиковских говорах в определенных фонетических позициях происходило только отпадение *a*, *ä* и ни в одном говоре не было перехода *a*, *ä* в *e*(*ε*). Но мы ставим этот вопрос шире. Нельзя отрывая, на наш взгляд, современный переход в *u*, *ü* или отпадение *a*, *ä* в ливвиковском наречии и переход *a*, *ä* в *e*(*ε*) или отпадение *a*, *ä* в части людиковских говоров от отпадения *a*, *ä* в определенных фонетических позициях в вепском языке и части людиковских говоров. Все это вместе взятое — явление одного порядка: изменение качества конечных *a*, *ä*. Это изменение следует отнести к одному источнику. Можно предполагать, что отпадение *a*, *ä* в отдельных фонетических позициях имело место во всех рассматриваемых говорах и языках еще в тот период, когда ливвиковское и людиковское наречия карельского языка и современные наречия вепского языка являлись наречиями или говорами одного и того же языка — вепского.

Восстановление конечных гласных *a*, *ä* в номинативе через *e*(*ε*) в части людиковских говоров могло произойти под влиянием тех слов, в которых это *e* не могло отпасть (т. е. слова, в которых *e* оказалось в абсолютном конце слова после отпадения *k* с предшествующим *e*). К этому типу относятся такие слова, как *kaste* 'роса', *lähte* 'прутьба, источник', *vuate* 'сукно' и т. д. В данном случае, скорее всего, речь идет даже не о восстановлении гласного в исходе слова, а о позднем аналогическом обобщении *e* в абсолютном конце слова по аналогии с теми случаями, где *e* имеет устойчивое положение. В части людиковских говоров в обстановке восстановления гласных сложилось новое соотношение сохранения, отпадения и восстановления *a*, *ä* (через *e*): сохранение *a*, *ä* в абсолютном конце слова в двусложных словах с первым кратким и открытым слогом и в середине слова; отпадение *a*, *ä* в многосложных словах, если предпоследний слог был открытым; восстановление *a*, *ä* в конце слова через *e* в словах с предпоследним закрытым слогом по аналогии с такими словами, в которых *e* оказалось в конце слова после отпадения согласного перед ним.

¹ A. Turunen. Lyydiläismurteiden äännehistoria, II. Helsinki, 1950, стр. 157—159.

Если восстановление ранее утраченных гласных *a*, *ä* через *e* (*s*) в словах с предпоследним закрытым слогом могло произойти, по нашему мнению, по аналогии с такими словами, как *kaste*, *lähte*, *vuate* и т. д., то такое восстановление могло иметь место прежде всего в номинативе. Восстановление же гласного в паритиве и эссиве могло произойти по аналогии с восстановлением соответствующего гласного в номинативе.

В ливвиковском наречии также могло иметь место восстановление утраченных в конце слова *a*, *ä* через *u*, *ü* по аналогии с такими случаями, в которых *u*, *ü* в конце слова имели устойчивое положение. Словами такого типа являются *itku* 'плач', *käskü* 'приказ, повеление', *laulu* 'песня, пение' и т. д. Следовательно, в том языке или наречии, продолжателями которого являются современный вепсский язык и ливвиковский и людиковский говоры карельского языка, в то время, когда имело место отпадение *a*, *ä*, отпадения *u*, *ü* еще не происходило. В вепсском языке и людиковских говорах, которые еще и сейчас очень близки к вепсскому языку, отпадение распространилось и на гласные более позднего происхождения; в ливвиковском же наречии отпадение гласных ограничилось гласными *a*, *ä* и не распространилось на гласные более позднего происхождения. Возможно, что процесс дальнейшего отпадения гласных в ливвиковском наречии был приостановлен влиянием карельского языка, наречием которого он впоследствии стал.

* * *

Мы пришли, таким образом, к выводу, что в вепсском языке и в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка после фонетического отпадения гласных *a*, *ä* в элативе и аблативе образовались нетерпимые для своего времени сочетания согласных *st* и *lt*, которые, в свою очередь, упростились в результате нетерпимости сочетания согласных в конце слова в *s* (и его отражения) и *l* (отпадение *t* в постконсонантном положении). Такое упрощение сочетания согласных привело к полному совпадению элатива с инессивом и аблатива с адессивом и, следовательно, к утрате исходных падежей — элатива и аблатива.

Такое объяснение утраты исходных падежей в одинаковой степени применимо как к вепсскому языку, так и к ливвиковскому и людиковскому наречиям карельского языка.